
ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Рост интереса к развитию третьего сектора, наблюдаемый в последние несколько десятилетий по всему миру, во многом объясняется возникающими в условиях рыночной экономики трудностями в решении таких серьезных проблем, как хроническая безработица, недостаточный уровень социальной инклюзии, чрезмерные территориальные диспропорции в уровне благосостояния населения, ограничения доступа к услугам систем здравоохранения и образования, необходимость поддержания качества жизни пожилых людей, достижение устойчивого экономического роста. Сгладить эти и другие сложные ситуации и противоречия путем использования механизмов рыночного саморегулирования и традиционной макроэкономической политики удастся далеко не всегда. Третий сектор дополняет государственный и частный и находится на пересечении экономической и социальной сфер жизни общества. В результате того, что акторы частного или государственного секторов не удовлетворяют полностью современные потребности общества, участники третьего сектора все чаще признаются в качестве партнеров по осуществлению государственной социально-экономической политики со стороны формирующих ее органов.

Третий сектор также является ядром гражданского общества. Его значение в этом качестве повышается в ответ на рост общественного запроса на изменение социально-экономических условий, защиту прав человека, сохранение окружающей среды и оказание влияния на политические процессы.

Рассматривая третий сектор в мировом контексте, следует отметить, что он чрезвычайно неоднороден. В зависимости от применяемых в разных регионах и странах мира критериев, к нему могут относить разнообразнейшие организации: некоммерческие организации, ассоциации, общественные движения, кооперативы, общества взаимного страхования, социальные предприятия, учреждения в сфере этических финансов и микрофинансов, организации справедливой торговли, системы обмена внутри сообществ и т.д. Некоторые организации сектора представляют собой крупные учреждения здравоохранения, образования и культуры, которые функционируют аналогично коммерческим компаниям и имеют тесные

связи с правительствами и бизнесом. Однако большинство организаций третьего сектора являются мелкими и предоставляют социальные услуги уязвимым слоям населения. Вместе с тем некоторые из них стремятся к системным изменениям, продвигая интересы разных групп общества.

Несмотря на то что единые глобальные данные о динамике третьего сектора отсутствуют (так как не существует единого международного хранилища всеобъемлющих статистических данных по сектору), многие исследования фиксируют увеличение количества соответствующих организаций и их значения для разных стран. Колебания в развитии третьего сектора отражают последствия политических преобразований, экономических циклов, изменений законодательства или процедур регулирования. При этом тенденция к увеличению его экономического вклада с точки зрения занятости и производства товаров и услуг прослеживается во всем мире.

Так в Европе (ЕС-24 и Норвегия) в 2014 г. в третьем секторе было занято 13% всей рабочей силы, что ставит сектор на третье место в регионе по доле занятых после сферы промышленного производства и отрасли торговли¹. В США, где третий сектор ассоциируется исключительно с некоммерческой деятельностью, в 2016 г. действовало около 1,54 млн таких организаций, или на 4,5% больше, чем их было в 2006 г. В 2017 г. в волонтерской деятельности участвовали 25,1% взрослого населения этой страны – на 1,6% больше, чем в 2016 г. Вклад некоммерческого сектора в экономику США в 2016 г. составил 5,6% ВВП².

Российские эксперты также идентифицируют третий сектор как состоящий из некоммерческих организаций (НКО). По данным на июнь 2022 г., в России было зарегистрировано около 210 тыс. НКО. Количество некоммерческих организаций в стране за последние годы несколько сократилось: на 2015 г. их насчитывалось около 226 тыс., или на 7,6% больше. Доля россиян, занятых в НКО в качестве наемных сотрудников и волонтеров, различается по регионам России: от 2,17% рабочей силы в Тюменской области до 0,27% в Республике Марий Эл³. Всего в 2020 г. в деятельности НКО в качестве волонтеров приняли то или иное участие 1,9 млн россиян.

¹ Salamon M.L., Sokolowski W. The size and scope of the European third sector / Third Sector Impact (TSI). – Brussels, 2016. – 30 p. – (TSI. Working paper ; N 12). – URL: https://thirdsectorimpact.eu/site/assets/uploads/documentations/tsi-working-paper-no-12-size-scope-third-sector-europe/TSI-Working-Paper-12_Size-and-Scope.pdf (дата обращения: 05.07.2022).

² The nonprofit sector in brief 2019 / National center for charitable statistics. – 2020. – 04.06. – URL: <https://nccs.urban.org/publication/nonprofit-sector-brief-2019#the-nonprofit-sector-in-brief-2019> (дата обращения: 05.07.2022).

³ Salamon L.M., Skokova Y., Krasnopolskaya I. Subnational variations in civil society development: The surprising case of Russia // Nonprofit and voluntary sector quarterly. – 2020. – Vol. 49, N 5. – P. 1058–1081.

Основываясь на численности волонтеров, специалисты оценивают вклад некоммерческого сектора в ВВП России на уровне 0,6–1%¹.

Среди наиболее авторитетных межстрановых исследований третьего сектора выделяется проект сравнительного анализа некоммерческого сектора Университета Джона Хопкинса (The Johns Hopkins Comparative non-profit sector project, США), реализованный в 1991–2017 гг. Его методология, типология организаций сектора и основные выводы получили признание на международном уровне и широко применяются в научных исследованиях. Они использовались Международной организацией труда для разработки «Руководства по измерению волонтерского труда» (Manual on the Measurement of Volunteer Work)², а также экспертами ООН для формирования «Руководства по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов» (UN Handbook on Non-profit Institutions in the System of National Accounts)³. Применение странами данных рекомендаций способствует повышению качества сбора и систематизации статистических данных, адекватности отражения вклада организаций третьего сектора в экономику и росту осведомленности о их деятельности, в том числе среди широких масс населения.

Говоря о вкладе третьего сектора в социально-экономическое развитие, необходимо подчеркнуть его комплексный характер. Деятельность таких организаций третьего сектора, как НКО, кооперативы, благотворительные фонды и общественные организации, функционирующие внутри сообществ, направлена прежде всего на мониторинг и выявление ситуаций социальной маргинализации, дискриминации и усугубления неравенства с целью воздействовать на них, предлагая определенные пути решения и отвечая на потребности населения в получении услуг, которые по тем или иным причинам недоступны.

Помимо продвижения принципов социальной инклюзии, акторы третьего сектора вносят вклад в создание и укрепление социетальных связей. В ходе своей деятельности они формируют инструменты и инфра-

¹ Минэкономики оценит вклад волонтеров и благотворителей в российский ВВП // РБК. – 2022. – 24.06. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/06/2022/62b459249a79471e6dac694c> (дата обращения: 07.07.2022).

² «Руководство Международной организации труда по измерению волонтерского труда» представляет собой методологические регламентации по созданию базы систематических и сопоставимых данных о работе волонтеров [Manual on the Measurement of Volunteer Work / ILO. – Geneva, 2011. – vi, 120 p. – URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_167639/lang--en/index.htm#:~:text=The%20manual%20is%20intended%20to,ILO's%20commitment%20to%20decent%20work (дата обращения: 13.07.2022)].

³ «Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов» содержит статистические стандарты и руководящие принципы для подготовки данных о некоммерческих организациях (НКО) в рамках Системы национальных счетов [Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов / ООН. – Нью-Йорк, 2006. – ix, 363 с. – URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesF/SeriesF_91r.pdf (дата обращения: 13.07.2022)].

структуру не только для более эффективного распределения ресурсов общества, но и для обмена знаниями между отдельными индивидами, организациями, социальными и политическими движениями. В результате деятельности организаций третьего сектора, прежде всего ассоциируемых с активностью гражданского общества (профсоюзы, федерации, конфедерации, цифровые платформы и сети), возникают новые общие пространства коммуникации и диалога, выстраиваются и укрепляются связи внутри общества. Это создает благоприятные условия для осуществления коллективных действий, например, в сфере социального развития, охраны окружающей среды и т.д.

Некоммерческие организации также функционируют в виде исследовательских центров и организаций, контролирующих процессы реализации социальной политики. При этом они, как правило, делают результаты своих исследований общедоступными, внося таким образом вклад не только в экспертизу социальных проектов, но и в развитие культуры свободного обмена данными и доступа к информации.

Отдельно следует выделить роль организаций третьего сектора в качестве проводника социальных инноваций – новых стратегий, концепций, идей – в сферах, где рынок и соответствующие государственные учреждения действуют недостаточно эффективно. Их инициативы и проекты удовлетворяют социальные потребности населения, расширяют и укрепляют гражданское общество, вносят вклад в формирование социального капитала. Это достигается благодаря росту внутри общества доверия, чувства ответственности, реципрокности, укреплению устойчивости и качества социальных связей, на которые индивиды или сообщества могут опираться при решении тех или иных насущных задач.

Вместе с тем развитие третьего сектора сдерживается рядом факторов. Существующая во многих странах мира разнородность подходов к определению границ третьего сектора и критериев отнесения к нему тех или иных организаций затрудняет анализ и сопоставление результатов деятельности входящих в него акторов. Данная проблема осложняет привлечение в сектор финансирования в виде государственных грантов, других видов бюджетной поддержки и частных инвестиций. Кроме того, преимущественно некоммерческий характер организаций сектора делает их восприимчивыми к негативным эффектам кризисных ситуаций, в частности сокращению финансирования (в том числе в виде добровольных пожертвований) или снижению активности волонтеров, на труд которых полагаются многие участники третьего сектора (что имело место, например, в условиях пандемии коронавируса).

В представленных в данном выпуске журнала «Экономические и социальные проблемы России» публикациях освещаются как теоретические, так и практические аспекты развития третьего сектора. Опираясь на анализ обширного эмпирического материала, авторы рассматривают региональные и страновые особенности современного состояния сектора,

в том числе в контексте пандемии COVID-19 и других вызовов, требующих переориентации ресурсов общества.

Открывает номер статья *О.Н. Пряжниковой*, посвященная анализу теоретических подходов к определению понятий «третий сектор», «социальное предприятие», «социальная и солидарная экономика», а также ряда других социально-экономических феноменов, ассоциируемых с третьим сектором. Автор сопоставляет определения, распространенные в научном сообществе в разных странах, предпринимает попытку выявить различия между ними и выделяет наиболее распространенные и универсальные. Выводом, основанным на изучении большого числа зарубежных и отечественных публикаций, служит признание терминологического плюрализма понятийного аппарата концепции третьего сектора в качестве препятствия для осуществления межстрановых сравнений и формирования политики продвижения социально ориентированных инициатив.

Раздел **«Проблемы стран и регионов»** посвящен анализу актуальных вопросов развития третьего сектора на региональном и национальном уровнях.

В статье *И.А. Чувычкиной* рассматриваются проблемы и перспективы третьего сектора в ЕС. Автор подробно описывает особенности организационной структуры европейского третьего сектора, а также специфику различных моделей его функционирования (традиционной, либеральной, социально-демократической, а также моделей партнерства в сфере благосостояния населения и статичного развития), исторически сложившихся в разных странах континента.

Большое внимание в статье уделяется влиянию на организации гражданского общества пандемии, выразившемуся в том числе в сокращении доходов некоммерческих организаций, численности их наемных сотрудников и волонтеров. Способность организаций третьего сектора адаптироваться к работе в условиях пандемии оказалась зависящей от их размера, структуры и типов предлагаемых услуг. Кроме того, проявились проблемы низкой цифровой грамотности работников и пользователей услуг, а также отсутствия соответствующих цифровых инструментов, оборудования и инфраструктуры.

Проведенный автором анализ показывает, что в ЕС остро стоит вопрос разработки всеобъемлющей стратегии поддержки третьего сектора, которая способствовала бы совершенствованию инструментов и механизмов взаимодействия с организациями сектора в странах-членах. Кроме того, правовая база ЕС в области помощи структурам третьего сектора нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Рецензия *О.Н. Пряжниковой* на монографию «Social enterprise in Central and Eastern Europe: Theory, models and practice» («Социальное предприятие в Центральной и Восточной Европе: Теория, модели и практика») представляет возможность познакомиться с результатами исследования сектора социальных предприятий в странах Центральной и Восточной

Европы, а также в России и Грузии. На основе анализа богатого эмпирического материала, собранного в рамках Международного проекта сравнительного анализа моделей социальных предприятий (International comparative social enterprise models project), авторы провели типологизацию социальных предприятий в регионе, выделив пять основных моделей. Отнесение социальных предприятий к той или иной модели осуществлялось по таким критериям, как правовая форма предприятия, особенности реализации его социальной миссии, состав персонала, структура источников финансирования и управления, правила распределения прибыли.

Кроме того, в исследовании подчеркивается роль двух ключевых обстоятельств, определяющих характер развития сектора в регионе. Во-первых, отмечается влияние социалистического прошлого, связанного с жестким контролем хозяйственной деятельности, социальной и гражданской активности. Во-вторых, выделяется роль международных организаций и структур ЕС как основных источников финансирования программ поддержки социальных предприятий региона.

В статье *Н.А. Коровниковой* рассматривается широкий круг вопросов, касающихся положения третьего сектора в Испании. Автор анализирует принятые в европейском и мировом контексте подходы к описанию третьего сектора, раскрывая специфику взглядов испанских специалистов.

Особое внимание уделяется функционированию некоммерческих организаций Испании во время пандемии и практикам их реагирования на экономические и социальные проблемы, вызванные распространением коронавируса. Представлен прогноз сотрудничества третьего сектора страны с коммерческими и государственными организациями в деятельности по сглаживанию последствий пандемии. Автор обобщает рекомендации экспертов по решению проблем развития третьего сектора в Испании, связанные в первую очередь с обеспечением большей финансовой устойчивости его акторов, внедрению в их работу цифровых инструментов, более широкому привлечению молодежи к социально ориентированной деятельности как в числе получателей услуг некоммерческих организаций, так и в качестве активных участников.

Заключающий раздел обзор *О.Н. Пряжниковой* посвящен развитию социальной и солидарной экономики в Тунисе. Как свидетельствуют изученные публикации, государство и частный сектор не способны самостоятельно решить ряд серьезных социально-экономических проблем страны, включая диспропорции ее территориального развития, бедность сельского населения, низкий уровень официальной занятости женщин и молодежи. В данной ситуации особое значение приобретает распространение в Тунисе социальной и солидарной экономики, часть миссии которой заключается в повышении благосостояния населения путем создания новых рабочих мест и предоставления товаров и услуг уязвимым группам населения.

Обобщение экспертных оценок позволило автору выделить ряд факторов, сдерживающих развитие социальной и солидарной экономики

в Тунисе. При этом определенный оптимизм в отношении перспектив развития сектора вызывает принятие в 2020 г. национального закона о социальной и солидарной экономике. Он, в частности, определяет критерии отнесения организаций к социальной и солидарной экономике, что способствует формированию адекватных статистических данных, необходимых для анализа состояния сектора и разработки мер по его поддержке.

В рубрике журнала «**Деньги. Финансы. Кредит**» представлена статья *Г.В. Семено*, в которой рассматривается проблематика этического банкинга как альтернативного направления в современных финансах. В настоящее время расширяется применение этических и моральных критериев в банковском деле и появляются финансовые организации, цель которых составляет общее благо, а не максимизация прибыли. Одной из задач учреждений так называемого этического банкинга является финансирование проектов социальной и солидарной экономики. Среди финансовых продуктов, соответствующих принципам этического банкинга, распространение получили солидарные кредитные карты, социально ответственные инвестиции, микрокредиты, солидарные облигации, солидарный кредит.

Продвижение этической культуры в банковской сфере часто рассматривается как ответ на финансовые кризисы, снижающие доверие общества к традиционной финансовой системе, а также на обострение экологических проблем. Проанализировав финансовые показатели учреждений этического банкинга, автор делает вывод о высоком уровне их финансовой устойчивости, в том числе в условиях коронакризиса. Отмечаются также хорошие перспективы продвижения данной модели банковской деятельности в разных странах мира.

В разделе «**Вопросы управления**» читатели могут ознакомиться со статьей *Н.В. Мальковец*, в которой обсуждается развитие отношений НКО и органов местного самоуправления в России. Важность налаживания адекватных механизмов их взаимодействия обусловлена совпадением целей и задач, которые они ставят перед собой, а именно – удовлетворение потребностей населения на уровне местных сообществ и в рамках муниципальных образований.

По мнению автора, современный этап взаимодействия органов власти и НКО характеризуется признанием государством необходимости привлечения социально ориентированных НКО к деятельности по оказанию населению социальных услуг и предоставления данным организациям доступа к бюджетным источникам финансирования. В свою очередь, местные органы власти все чаще отдают должное роли НКО в придании большей стабильности социальной сфере, начинают поддерживать устойчивые организации и стимулировать создание новых.

Автор также подчеркивает особую значимость налаживания эффективного взаимодействия граждан в рамках территориального общественного самоуправления в соответствии с принципами открытости, прозрачности, взаимного уважения, законности и наличия каналов обратной

связи. Данные процессы способствуют распространению демократических традиций и практик гражданского общества на местном уровне и в стране в целом.

В рубрику «**Проблемы социально-демографического развития**» вошла статья *И.Ю. Южаковой*, в которой затрагиваются проблемы социальной сферы в условиях так называемой мобилизационной экономики, предполагающей перераспределение ресурсов страны в пользу направлений, которые признаются приоритетными в той или иной кризисной ситуации. Исследование основывается на анализе содержания одного из популярных телеграм-каналов, посвященного мониторингу общественно-политических процессов в России, а также данных нескольких социологических опросов, направленных на выявление изменения социальной повестки в стране в период с 2020 г. по начало мая 2022 г.

Как показывают полученные результаты, современная ситуация вызывает рост озабоченности населения – в связи с риском потери работы, снижением доходов, ростом цен, недоступностью ряда товаров и услуг. В этих условиях увеличивается потребность в мерах социальной поддержки, в частности в адресной социальной помощи и в расширении доступа граждан к психологической помощи. В целях улучшения качества жизни населения, снижения социальной напряженности, сохранения и развития человеческого и социального капитала автор предлагает, в частности, продвигать лучшие практики российских некоммерческих организаций, зарекомендовавших себя в качестве эффективных акторов социальной сферы.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что представленный в рамках данного выпуска журнала анализ некоторых проблем и перспектив развития третьего сектора на уровне национальных экономик в региональном и глобальном контексте расширяет представления о продуктивных направлениях взаимодействия государства и организаций гражданского общества. Также очевидно, что в этой области еще много вопросов и задач, требующих дополнительного изучения и решения.

О.Н. Пряжникова